

УДК 81'272:327

DOI: 10.36979/1694-500X-2021-21-6-10-16

**ПРИОРИТЕТЫ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ
КОММУНИКАЦИОННОЙ МИРОСИСТЕМЫ
(ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)**

Ю.В. Козлова, И.А. Савченко, Г.Д. Джунушалиева

Рассматривается исторический аспект социокультурной составляющей языковой политики в условиях постглобализации и многополярного мира. В наши дни реальностью стали интенсивное развитие интернет-коммуникаций, виртуализация социальной активности и формирование языковой ноосферы с доминированием английского языка и его сленговых форм. Следствием этих процессов становятся глокализация информационных потоков, искажение и обеднение общественного самосознания и культурной преемственности. В этом контексте языковая политика переходит на ноосферный, интеграционный уровень. Практические геополитические и социокультурные вопросы, в том числе вопросы региональной языковой политики в эпоху цифровизации становятся существенными, определяющими для культурной идентичности.

Ключевые слова: языковая политика; глокальная социальная реальность; ноополитика; виртуализация; языковой социум; языковой империализм; языковой суверенитет; парадигма экологии языков; интернет-сленг; языковой территориальный режим.

**КОММУНИКАЦИЯЛЫК МИКРОСИСТЕМАНЫ ТРАНСФОРМАЦИЯЛООНУН ШАРТЫНДА
ТИЛ САЯСАТЫНЫН АРТЫКЧЫЛЫКТАРЫ
(ТАРЫХЫЙ АСПЕКТ)**

Ю.В. Козлова, И.А. Савченко, Г.Д. Джунушалиева

Бул макалада ааламдашуудан кийинки жана көп уюлдуу дүйнөнүн шартында тил саясатынын социалдык-маданий түзүмүнүн тарыхый аспекти каралат. Бүгүнкү күндө интернет-коммуникацияларды интенсивдүү өнүктүрүү, социалдык активдүүлүктү виртуалдаштыруу жана англис тилинин жана анын сленг формаларынын үстөмдүгү менен тилдик ноосфераны калыптандыруу турмуш чындыгы болуп калды. Маалыматтык агымдардын глокализацияланышы, коомдун өзүн-өзү аңдап түшүнүүсүнүн жана маданий жол жолдоочулуктун бурмалануусу жана жакырланышы ушул процесстердин натыйжасы болуп калды. Бул контексте тил саясаты ноосфералык, интеграциялык деңгээлге өтөт. Практикалык геосаясий жана социомаданий маселелер, анын ичинде аймактык тил саясатынын маселелери санариптик доордо маанилүү, маданий иденттүүлүк үчүн аныктоочу болуп калууда.

Түйүндүү сөздөр: тил саясаты; глокалдык социалдык реалдуулук; ноосаясат; виртуалдуулук; тилдик социум; тилдик империализм; тилдик суверенитет; тил табиятынын парадигмасы; интернет-сленг; тилдик аймактык режим.

**PRIORITIES OF LANGUAGE POLICY IN THE CONTEXT OF TRANSFORMATION
OF THE COMMUNICATION WORLD SYSTEM
(HISTORICAL ASPECT)**

Yu. V. Kozlova, I. A. Savchenko, G. D. Dzhunushaliev

The article considers historical aspect of the socio-cultural components of language policy in the conditions of post-globalization and multipolar world. The reality is the intensive development of internet communications, the virtualization of social activity and the formation of a language noosphere dominated by English and its slang forms. The consequence

of these processes is the glocalization of information flows, distortion and impoverishment of public consciousness and cultural continuity. In this context, language policy is moving to the noospheric, integrative level. Practical geopolitical and socio-cultural issues, including regional language policy, in the era of digitalization are becoming essential, defining for cultural identity.

Keywords: language policy; glocal social reality; noopolitic; virtualization; language society; language imperialism; the language sovereignty; the paradigm of language ecology; Internet slang; the language of the territorial regime.

В конкретной исторической ситуации языковая политика как один из аспектов государственной политики приобретает новые возможности и ориентиры. Перспективное планирование консолидации групп общества внутри страны, создание предпосылок к взаимопониманию на внешнем уровне и оперативное решение конфликтных вопросов не теряют актуальности, как и проблемы виртуализации и цифровизации в их языковой динамике.

Всемирный постглобальный контекст реализовался в 2020 году в так называемом «коронакризисе», терминальном кризисе легитимности «мира-системы (И. Валлерстайн [1; 3]). На смену «миру-экономике» второй половины XX века пришла новая, «глокальная» (Р. Робертсон [2]) социальная реальность, представляющая собой причудливую форму всемирности и «нового разобщения».

В XXI веке акцент сместился к «постглобализации» как сети анклавов глобальности, крупнейших мегаполисов, которые соединены потоками технологий, информации, культурных текстов, индустриальными сетями и изолированы от окружающих территорий. Таким образом мультикультуральность напрямую стала определяться относительно доступности всех видов ресурсов [3].

Параллельно разворачивался процесс виртуализации общества как лумановской самовоспроизводящейся коммуникативной системы [4]. От предмета к продукту, от факта к событию, от воздействия к сообщению во второй половине XX века происходило замещение «реальных» вещей и событий кодами коммуникации: сначала под действие СМИ – в области потребления товаров, услуг и информации, а затем – в информационной среде глобальной сети. Пугающая и будоражающая цифровизация отвечает на социальный запрос, она запускает взаимодействие образов в специально созданную сетевую сферу.

Интернет, сформировавшийся изначально как открытая, демократичная квинтэссенция «галактики Гуттенберга», отвечающая запросам глобализации капитала и идеалам открытой коммуникации, свободы личности [5, с. 14–15], к настоящему времени стал мощным фактором контроля, в том числе по отношению к общественному и этническому сознанию.

М. Кастельс рассматривает Интернет как социально-техническую структуру, влияющую на осознанные коммуникации человека, меняющую все их характеристики и меняющуюся в ответ [5, с. 17], как уникальную структуру, способную к быстрому саморазвитию. Приоритетами адекватного развития этой структуры изначально были открытость, децентрализованность и многонаправленная интерактивность; вариативность, открытость к развитию всех протоколов обмена данными, независимо от собственности программного обеспечения; открытое и демократичное управление Сетью [5, с. 43–44]. С реализацией этих приоритетов не все так просто, начиная с организации системы адресов и номеров и заканчивая усилением лингвистического империализма, формированием новой языковой модели мира именно благодаря интенсивному развитию Сети в последние десятилетия.

Эти изменения, прежде всего, направлены на изменение смысловых кодов в государственных институтах и общественной практике, а также на заполнение пустот, замещение отсутствующих связей политической вертикали индустриальной эпохи [5, с. 167]. Кроме того, имеет место перенос социально-политической динамики в символическую интернет-реальность, где деятельность масс-медиа дает быстрый, масштабный, адресный эффект, которого раньше нельзя было и представить [5, с. 170].

Возникает понятие «ноополитики», охватывающей глобальную информационную среду (киберпространство и традиционные медиа), противопоставленной реальной политике, как

минимум дополняющей ее в установлении политической повестки дня. Благодаря Интернету и его глобальному языку воздействие на людей во всем мире, формирование представлений, понятий, поведенческих моделей происходит в буквальном смысле через ноосферу [5, с. 189]. Политическая жизнь трансформируется вследствие того, что производство и распространение культурных кодов, актуальной информации, ценностей, интересов напрямую зависит от степени контроля сетей коммуникации. Дилемма «всемирная свобода/всемирное господство» приобретает противоречивый и причудливый вид [5, с. 193].

Молодое поколение включено в виртуальную реальность коммуникаций в формате соцсетей, блогов, интернет-маркетов, более старшее – преимущественно в телевизионную виртуальную реальность, т. е. в виртуальном обществе живут все, но пока еще не все – в цифровом [6].

При этом виртуализация не предполагает простого переноса, линейной идентичности. Даже понимание «прозрачности» виртуальной среды, соблюдение норм безопасности, контроль «цифрового следа» не исключает полиидентичности и полидискурсивности [7].

Виртуальность становится рутинной, а реальность – ценностью, требующей «порталов», точек доступа, где реальности (физическая, цифровая, символическая) интегрируются. И возникает AR-реальность (дополненная реальность) как ответ на новый запрос – повысить интенсивность социальной жизни. При этом малоресурсным, далеким от глобальных потоков «депрессивным» регионам (в мировом и национальном масштабах) остается «истощенная современность».

На наших глазах социальные структуры формируют множественные социальности: институты – тотальную социальность, интеракции/коммуникации – частную, в том числе – в структурно-сетевом виде, а потоки – социальность альтернативную. Соответственно, развивается и новая субъектность прежде всего именно в языковой форме, поскольку именно язык обеспечивает миропонимание, мироотношение, базовую функциональную идентичность социальных общностей [3].

Постглобализм реализуется таким образом в культурно-цивилизационной конкуренции, в конфликтах, в том числе технологических и технических. Он реализуется также в интеграции в едином смысловом интернет-пространстве официальной, народной, теневой и силовой дипломатий, что не было возможным ранее. Пандемический процесс-2020 канализовал конфликты, неэкономическую конкуренцию, одновременно способствуя координации усилий по преодолению прежних мировых проблем (терроризм, экология, разработки в области медицины) [8, с. 2–6].

Вопрос права на суверенность и защиту самоидентичности становится актуальным на всех уровнях: личном, групповом, этническом, государственном, международном [8, с. 7–8].

С позиции истории и современной социолингвистики языковая политика рассматривается как регулирование сущностной стороны языка с целью организации общественного сознания как некой формы реализации ответственности государства по отношению к своим гражданам. Ведь человек воспринимает мир через языковые формы, через семантику и грамматику родного языка. Эта идея восходит к В. фон Гумбольдту и воплощается в гипотезе лингвистической относительности Э. Сепира – Б. Уорфа. В настоящее время идея находит свое отражение в лингвистическом неорелятивизме, в соответствии с которым для носителя естественного языка многоуровневая картина мира определяется историей языка и этноса, формирует познавательные процессы, прежде всего мышление. Подобные идеи присутствуют в психологии, культурологии и социологии культуры (А.Р. Лурия, А.Ф. Лосев).

Языковая картина изменчива во времени, передается от поколения к поколению через мировоззрение, нормативы, во многом коррелирует по содержанию с категориями «общественное сознание», «национальное самосознание», «национальный менталитет» [9]. Концептуальная картина мира акцентирует структурирование объекта познания с помощью языковых средств, и, соответственно, глобальная картина мира включает общечеловеческое, национальное, социальное и личностное, она связана с конгруэнтными содержаниями уникальных языков, а не

с унификацией мировосприятия на основе одного или нескольких доминирующих языков [10].

Языковая политика в определенном смысле является одной из форм общественной, групповой субъектности, «геополитического кода» как исторически сложившаяся система политических отношений государства с миром, баланса интересов, осознания сущностных человеческих категорий, таких как свобода воли и индивидуальность. Государственный статус на мировом, региональном и местном уровнях создается на основе этого «кода», на основе паритета опыта и вектора самоопределения [11].

В широком смысле языковая политика является проекцией общегосударственных политических принципов на те сферы, которые максимально реализуют речевые средства. Это масс-медиа, образование и наука, менеджмент и делопроизводство. В многонациональном государстве языковая политика прежде всего направлена на профилактику межэтнических противоречий на уровне региона или страны и соответствующую социальную политику. Так, в Российской Федерации во взаимодействии с общегосударственным русским языком функционируют 36 республиканских языковых доминант, что предполагает значительное разнообразие языковой политики. В настоящее время это реализуется в сочетании однокомпонентной модели (формы русского языка) с двухкомпонентной (русский и республиканский) и трехкомпонентной (русский и два республиканских). Действуют в России также сложные многокомпонентные модели из 4 – 1:5 республиканских государственных языков и дифференциальные модели (применимые к языкам малых народов и мигрантов). Такая система строится по принципу реализации принципа поддержки региональных этнолингвистических особенностей, языкового ландшафта в единой национально-языковой политике [12, с. 7–8].

В эпоху многополярного мира возникают также задачи обеспечения лингвистической безопасности как составляющей национальной безопасности и построения языковой образовательной политики, как составляющей общегосударственной языковой политики (формирование коммуникативной компетентности, языковой

культуры, двуязычия, многоязычия и поликультурности). В настоящее время идет речь о самоорганизующемся мультисоциомедийном интерфейсе в этой области, который включает образные ряды мифов, обрядов, верований и обычаев, в контексте интернет-коммуникаций, а также эталоны общения и делового взаимодействия, специфические средства контроля [13].

Глобальные коммуникации изменили языковой социум, создав конвергентные потоки (неологизмы, заимствования, языковые модификации, новая мультинациональная культура) и усилив национальную и культурную дифференциации, стремление к суверенитету, противостоянию усредненной массовой культуре, представляющей угрозу традиционным ценностям (личность, семья, генетические и культурные коды). Таким образом, защита и сохранение языка являются геополитической задачей, так как именно через язык происходит воздействие на системные процессы в обществе [13, с. 72].

Так, в настоящее время существуют две радикальные позиции относительно глобального английского. Д. Кристал рассматривает уникальное положение английского и его глобальное распространение в качестве второго языка не как монополию, а как естественное посредничество, обеспечение международных коммуникаций. Глобальная миросистема ставит условие, которому нужно соответствовать для получения доступа к инфоресурсам. Это условие, по мнению Д. Кристала, дополняет принцип многоязычия, не противореча ему [14]. Р. Филлипсон, напротив, указывает на необходимость признать тенденции языкового империализма, поскольку прогресс, связанный с распространением английского языка как глобального, оплачен деградацией и гибелью других языков, а также экологическими и культурными изменениями. Это происходит подобно тому, как на национальном уровне языки титульных этносов подавляют языки малых народов, способствуя их выходу из употребления [15, с. 193]. Основываясь на «Экологии языковой парадигмы» Ю. Цуды, Р. Филлипсон совместно с Т. Скунтабб-Кангласс противопоставляет языковому империализму концепцию «экологии языков» [15, с. 190].

Стоит отметить и значение Интернета как саморазвивающейся системы в эскалации процесса мировой англофонизации. Учитывая, что тех, кто активно использует английский как второй, на планете как минимум вдвое больше, чем тех, для кого он родной, высокая численность и статус англоговорящих народов в Сети определяет популярность англоязычного контента, мотивируя создавать, сохранять и потреблять именно его. В итоге экспансия становится циклическим процессом [15, с. 193].

Антитезой этому может стать сохранение, «экология языков», формирование многослойной языковой личности, пользователя, стремящегося и способного получать разную информацию на разных языках.

Языковое разнообразие современного мира заключается в способности каждого языка отражать этот мир уникальным образом, в своеобразии лексических и грамматических средств, создавать социокультурные конструкты и транслировать их будущим поколениям. Унификация лишает мировую систему разнообразия, снижает ее устойчивость. Языковой ландшафт, его периферия, полупериферия и центр теряют часть выразительной палитры, вследствие чего осмысление жизненного потока также обедняется.

Социокультурная опасность существует сегодня не только для малых, но и для всех языков, в том числе и классического английского. Он становится, во-первых, исходным для заимствованных англицизмов и варваризмов. «Неусвоенные» принимающим языком слова, словосочетания, отрезки текста используются двуязычными пользователями в исходном виде [16, с. 198], не обеспечивая связность картины мира. Это – своего рода фрагментизированные элементы, отражающие реконструированную, фантомную для пользователя социальную реальность. Так называемые варваризмы, лексические содержания, заимствованные в исходной или транслитерированной форме, для интеграции которых в принимающий язык нужен длительный период, параллельно с интеграцией в общественное сознание заимствованных предметов и явлений. Обилие варваризмов отражает поток, объединяющий транзакции в сфере политики и массовой культуры, спорта, моды, в меньшей

степени – профессиональные явления на уровне локального сленга.

Во-вторых, распространяются модификации английского, созданные под давлением родного для реципиента языка (рунглиш в случае «смеси» с русским), пиджины и креолы, псевдодialectы [17], а также искусственно созданный для коммуникаций в международном бизнесе и зарегистрированный как торговая марка Globish, создателем которого является вице-президент по международному маркетингу компании IBM Жан-Поль Нерьер.

В-третьих, возникает междисциплинарная проблема того самого манипулятивного, диктаторского «новояза», который совсем недавно существовал как художественный вымысел из антиутопии Дж. Оруэлла. Крайнее упрощение, инвариантность, свойственные классическому новоязу власти из XX века, преобразованы в фрагментарность, анонимность интернет-сленга, обеспечивающего уже не реальные властные, в том числе и политические структуры, а власть большинства как ресурс контроля, как средство обесценивания взаимодействия по политическим вопросам, «снижения» их интерпретации, формирования «образа врага» [18, с. 23–24].

Таким образом, именно интенсивные интернет-коммуникации, а в период пандемии и цифровизация создают общественный запрос по отношению к государству – создать и упрочить объединительные смыслы, идеи и нормы, ориентирующие в меняющемся мире, в том числе и на уровне языковой идентичности.

Еще в 2017 году заместитель министра образования и науки России В. Каганов заявлял о лидирующей позиции по динамике прироста иностранных студентов и шестом месте в мировом рейтинге [19]. И это внешняя языковая ситуация, в то время как во внутренней языковой среде России присутствует порядка 100 национальных языков, из которых лишь половина представлены, например, в художественной литературе. В большинстве случаев национальная культура малых народов выходит на мировой уровень через русский язык. Пример тому – российская целевая программа «Научно-методическое, методическое и кадровое обеспечение обучению русскому языку и языкам народов Российской

Федерации» на период 2019–2025 гг. с бюджетом порядка 7,4 млрд рублей [20]. Вопрос в том, как именно 2020 год с его тотальным обращением к Интернету всех возрастных, социальных и профессиональных категорий скорректировал приоритеты освоения этих материальных средств и как на практике будут реализованы поправки в Конституцию по языковому вопросу.

Языковая политика СССР, будучи отражением стратегии национальной политики в многонациональном государстве, транслировала идею о транснациональной общности – «советском народе», многонациональной гражданской нации. Наследие опыта применения единого государственного языка включало несколько поколений, при этом лингвокультурная идентичность отражала и степень общественно-политической идентичности (в республиках Прибалтики доминирование национальных языков, в Киргизской и Казахской ССР – государственного русского). Это может служить аналогией того процесса, который в настоящее время происходит в постглобальном мире. Укрепление или утрата позиций национального или локального языка по отношению к глобальному – отражение национального, этнического и общественно-политического самосознания народа.

Нормативное регулирование российской языковой политики прежде всего должно быть направлено на реализацию языковых прав граждан, на признание за каждым языком статуса социально-культурной ценности (Закон «О языках народов Российской Федерации»). Объектом языковой политики должны стать и расширение изучения имеющихся практик использования языков, цели и ситуации их применения. Ведь языковая ситуация, языковые практики, языковые навыки непрерывно и стремительно изменяются [21, с. 98]. Языковые навыки как часть гуманитарного и экономического капитала должны стать частью управления государственными ресурсами [21, с. 98–100]. Если мировое сообщество уже стало многоязычным, поликультурным, языки и их комбинации реализуют разный функционал, то задачами государственной политики становятся активизация языков на локальных рынках, развитие языковых навыков клиентов и контрагентов, поддержка

общественно-политического, религиозного, бытового применения, т. е. – стимулирование языкового потенциала во всех сферах жизни. Необходимо четкое определение функций и ролей конкретных языков в конкретных регионах и в стране в целом. Именно такое распределение позволит языковой системе не только сохраняться, а развиваться, обеспечивая обществу так необходимый ему реальный слой, фактический уровень существования, ту поликультурную реальность, которая сможет конкурировать с виртуальной постглобальной реальностью, воздействовать на языковую ситуацию, учитывая «состояние языков в государстве в их территориально-социальном взаимоотношении» [22].

«Языковая ситуация» – показатель нормативного и публичного статуса языка, его «жизнеспособности» [23], «языковой режим» определяет символический, идентификационный статус языка и жизнеспособность сообщества, в котором он существует [24].

Соответственно, можно говорить о языковой ситуации на уровне отдельной страны как о динамичной уникально-типической системе, развивающейся внутри мировой системы. В исторической перспективе государственная политика должна быть ориентирована не только на сохранение или расширение традиционных языков в том социальном контексте, в котором они возникли и развивались, но и на активное включение «малых» и «великих» языков в актуальные, только формирующиеся общественные практики, в том числе высокотехнологичные, виртуальные. Необходимо понимание того, что любая социокультурная система имеет шансы для развития лишь в том случае, если она гетерогенна, ибо разнородность есть сущностное свойство системы [25, с. 296]. Приоритетной в данном случае является экологическая языковая концепция, которая между тем не может быть реализована исключительно в рамках «сохраняющей» политики: создать антитезу постглобальному обеднению языковой и социокультурной среды можно лишь стимулируя билингвальность и полилингвальность, функциональное использование языков, расширение контекстов их существования во всех исторически сложившихся формах общественной жизни.

Литература

1. *Валлерстайн И.* Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / И. Валлерстайн. СПб.: Университетская книга, 2001. 416 с.
2. Roland Robertson. Globalization. Social Theory and Global Culture. USA, California: Sage Publications, 2000. 224 pp.
3. *Иванов Д.В.* От глобализации к постглобализации: анклавы дополненной современности и перспективы социального развития. URL: <http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/2019/2019-1-02.pdf> (дата обращения: 18.12.2020).
4. *Луман Н.Л.* Общество как социальная система / пер. с нем. А. Антоновского / Н.Л. Луман. М.: Логос, 2004. 232 с.
5. *Кастельс М.* Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / М. Кастельс. Екатеринбург: У-Фактория (при участии Гуманитарного ун-та), 2004. 328 с.
6. *Иванов Д.В.* К теории потоковых структур / Д.В. Иванов // Социологические исследования. 2012. № 4. С. 8–16.
7. *Кокшарова Е.И.* Полиидентичность личности в виртуальном коммуникативном пространстве сети Интернет / Е.И. Кокшарова, О.Ю. Никифоров // Гуманитарные научные исследования. 2013. № 1. URL: <http://human.snauka.ru/2013/01/2263> (дата обращения: 16.09.2020).
8. *Шедяков В.Е.* Постглобализм в международных отношениях: взаимодействие культурно-цивилизационных миров / В.Е. Шедяков // Вестник Прикамского социального института. 2020. № 1 (85).
9. *Корнилов О.А.* Языковые картины мира как производные национальных менталитетов / О.А. Корнилов. М.: ЧеРо, 2003. 113 с.
10. *Гончарова Н.Н.* Языковая картина мира как объект лингвистического описания / Н.Н. Гончарова // Известия Тульского гос. ун-та. 2012. № 2. С. 396–405.
11. *Дергачев В.А.* Геополитическая теория больших многомерных пространств: монография. 2011. Геополитический код государства. URL: http://dergachev.ru/latest-geopolitics/08.html#W8NW_NczZdg.
12. Языковая политика в контексте современных языковых процессов. М.: Изд. центр «Азбуковник», 2015. 472 с.
13. *Дедкова Г.И.* Институализация языка в условиях глобализации: плюсы и минусы. Развитие языка в современном мире / Г.И. Дедкова // Человеческий капитал. 2020. № 5 (137). С. 71–75.
14. *Кристал Д.* Английский язык как глобальный / пер. с англ. / Д. Кристал. М.: Весь мир, 2001. 240 с.
15. *Рахманов А.Б.* Лингвистический империализм, лингвистический субимпериализм и их необходимость: Россия и Испания / А.Б. Рахманов // Вестник Томского гос. ун-та. Филология. Социология. Политология. 2020. № 54.
16. *Мозовая И.Н.* Теоретические предпосылки исследования заимствованной лексики в языке рекламы / И.Н. Мозовая // Вестник Днепропетровского ун-та. Серия «Языкознание». 2009. № 11.
17. *Шенаева О.В.* Рунглиш в языковой среде современной России / О.В. Шенаева // Современные наукоемкие технологии. 2013. № 7–1. С. 53–55. URL: <http://top-technologies.ru/ru/article/view?id=31863> (дата обращения: 16.12.2020).
18. *Олешкова А.М.* Особенности изучения новояза в социальных сетях: методологический аспект / А.М. Олешкова // Научный журнал «Эпомен». 2020. № 46.
19. Информационно-аналитический журнал Университетская книга. 2017. № 1–2. URL: <http://www.unkniga.ru/ostraya-tema/6812-yazykovaya-politika-rossii-i-pozitsionirovanie-1.html> (дата обращения: 15.12.2020).
20. Итоги деятельности по продвижению русского языка за рубежом. URL: <http://www.unkniga.ru/news/10116-podvedeny-itogi-deyatelnosti-po-prodvizheniyu-russkogo-yazyka-v-rossii-v-2019.html> (дата обращения: 18.12.2020).
21. *Кадочников Д.В.* Цели и задачи языковой политики и проблемы социально-экономического развития России / Д.В. Кадочников // Terra Economicus. 2019. 17 (1).
22. *Тихонова Р.* Языковая ситуация и языковая политика как понятия социолингвистики / Р. Тихонова. Самара: СГПУ, 2007. С. 6–7.
23. *Вахтин Н.* Социолингвистика и социология языка: учеб. пособие / Н. Вахтин, Е. Головки. СПб.: Изд. центр «Гуманитарная Академия»; Изд-во Европейского университета в СПб, 2004. 336 с.
24. *Борисова Н.В.* Языковой территориальный режим: концептуализация понятия / Н.В. Борисова // Теории политики экономики и управления. 2016. № 3. С. 5–16.
25. *Савченко И.А.* Лингвоидентичность и социокультурные условия развития этнообщностей / И.А. Савченко // Вестник Ленинградского гос. ун-та им. А.С. Пушкина. 2010. Т. 1. № 3.